

По поводу „стахановщины“

«Извѣстія» и «Правда» послѣднихъ мѣсяцевъ наполнены тщательно вылизанной стахановщиной. Долженъ сознаться: для меня въ этихъ газетахъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, по крайней мѣрѣ, принципиально новаго. Пишутъ люди въ большинствѣ лично мнѣ извѣстные и пишутъ по вопросамъ тоже мнѣ извѣстнымъ. Совсѣмъ не нова и стахановщина. Знаменательно только то, что совѣтская печать, заполняя цѣлыя полосы стахановщиной, открывая стахановщиной «новую эру» социалистическаго строительства, ни единымъ словомъ не обмолвилась о доблестномъ предкѣ стахановщины, донбассовскомъ забойникѣ Никитѣ Изотовѣ, о его сверхъ-ударныхъ сыновьяхъ, его сверхъ-американскихъ рекордахъ и — тоже о «новой эрѣ», открытой было плотовщиной.

Совѣтскую печать и совѣтскихъ вождей можно понять: вспомнить объ изотовскихъ методахъ, рекордахъ и изотовской «эрѣ» —

было бы безтактно. Большевики умѣютъ помнить, но, когда надо, умѣютъ и забывать. Изотовщина умерла и повидимому забыта крѣпко. Теперь стахановщина, точно такъ же, какъ въ свое время изотовщина, расплзается на всѣ отрасли промышленности, сельскаго хозяйства, правительственнаго аппарата и даже литературы. Не нужно обладать особыми пророческими дарованіями, чтобы предвидѣть: стахановщину постигнетъ участь изотовщины. А эта, изотовская участь — незавидная, — недаромъ объ «открывающихъ новую эру» методахъ Изотова большевики такъ упорно молчатъ...

По поводу изотовщины я въ свое время ѣздилъ въ Донбассъ, «изучалъ» этотъ опытъ на мѣстѣ его рожденія, фотографировалъ и интервьюировалъ Изотова, его забой, его врубовку, его сыновей и прочее, — словомъ, дѣлалъ все то же и съ тѣмъ же ироническимъ чувствомъ, что дѣлаютъ сейчасъ московскіе журналисты

Изотовщина такъ же, какъ и стахановщина, относится къ категоріи тѣхъ «соціалистическихъ формъ труда», поисками которыхъ большевизмъ занялъ почти все время своего существованія. Въ ряду лозунговъ — демагогическихъ, жульническихъ, а то и просто грабительскихъ, которые большевизмъ кидалъ въ русскія и «міровыя» пролетарскія массы — были и лозунги, выражающіе реальныя, ничѣмъ не устранимыя задачи построенія социализма, задачи, которыя социализму нужно или разрѣшить или погибнуть*). Сюда относится ленинское: «производительность труда въ конечномъ счетѣ рѣшаетъ все». Съ этой точки зрѣнія борьба между капитализмомъ и социализмомъ будетъ рѣшена въ зависимости отъ того, какой строй обеспечитъ высшую производительность труда.

Съ миромъ почившая изотовщина такъ же, какъ и нынѣшній разгулъ стахановщины, — это только послѣднія хронологически звенья той цѣпи попытокъ найти новыя, некапиталистическія формы оплаты и организаціи труда, которыя большевизмъ ищетъ уже почти восемнадцать лѣтъ. Безъ небольшого экскурса въ область прошлаго, къ тѣмъ попыт-

*) Термины «социализмъ», «соціалистическій» я беру въ узко-совѣтскомъ ихъ пониманіи, не вдаваясь въ вопросъ, насколько политика большевизма соответствуетъ существу социалистическаго ученія. Можетъ быть, было бы правильнѣе оперировать терминномъ «коммунистическій», но это непривычно.

камъ и опытамъ, которые уже провалились, не будутъ понятны ни корни, ни цѣли нынѣшнихъ «движеній».

Походъ за «новыя формы труда», въ цѣляхъ борьбы съ «уравниловкой» и «обезличкой» первыхъ лѣтъ революціи, былъ начатъ пресловутой «непрерывкой». Непрерывка развивалась въ общемъ параллельно съ развитіемъ «ударничества» и «соціалистическаго соревнованія», была погребена значительно раньше и внесла въ хозяйственную жизнь страны колоссальную путаницу. Лозунгъ, формулировавшій задачи «непрерывки», гласилъ: «соціалистическія машины отдыхать не должны». Имѣя налицо ограниченную машинную базу и почти неограниченную человѣческую, можно бы, конечно, поставить къ каждому станку, скажемъ, двѣ смѣны и заставить этотъ станокъ работать 20 часовъ въ сутки. Это дѣлалось во время войны во многихъ странахъ и давало повышеніе продукціи. Но въ совѣтской Россіи существуетъ огромной мощности факторъ — совѣтскій «активъ». Онъ исполненъ жаждой вылѣзть, выслужиться, сдѣлать карьеру. Онъ плотной стайей окружаетъ cadaго инженера, врача, заводъ, совхозъ, учрежденіе. Онъ является опорой власти въ мельчайшихъ порахъ народнаго организма и проводникомъ «энтузіазма» въ массы. Благодаря активу, непрерывка сразу вспыхнула пламенемъ энтузіазма и въ этомъ пламени погибло все: и ростки здраваго смысла, которые все же были въ идеѣ непрерывки, и протесты экономистовъ и инженеровъ, которые изъ-за этихъ протестовъ поразѣхались по Солов-

камъ, и какой бы то ни было порядокъ на предприятияхъ.

Начать съ того, что въ результатъ гражданской войны, голода и той же уравниловки промышленность испытывала острую нехватку квалифицированной рабочей силы. Этой силы кое-какъ хватало на обслуживаніе одной сѣмны. Заводы начали работать въ три сѣмны. Въ нихъ влились новыя сотни тысячъ раскулаченныхъ кулаковъ, безработныхъ интеллигентовъ и Богъ знаетъ кого еще. Обычно, въ силу нехватки рабочихъ и необходимости вырабатывать прожиточный минимумъ, работали по двѣ сѣмны. Квалифицированный костякъ рабочей массы попалъ въ отчаянное положеніе: ему приходилось обслуживать всѣ три сѣмны. Люди спали у станковъ, люди валялись съ ногъ. Началась эпидемія поломки станковъ.

Стало выясняться: непрерывная работа социалистическихъ машинъ даетъ меньшую продуктивность, чѣмъ давала работа одной сѣмны. Бракъ возросъ до фантастическихъ размѣровъ, гибель станковъ приняла катастрофическіе размѣры. Московскій заводъ «Серпъ и Молотъ» подсчиталъ, что продукція ночныхъ сѣмнъ не окупаетъ и расходовъ по освѣщенію завода. Пришлось давать отбой. Въ советской печати стали указывать на «явные перегибы» въ проведеніи непрерывки, а члѣмъ какъ то сразу совѣмъ перестали о ней писать. Непрерывку похорошили при пробномъ молчаніи и искорь замѣнили шестидневной недельей, съ однимъ свободнымъ днемъ для всѣхъ трудящихся, — чтобы не возвращаться къ воскресенью

На сѣмну огненнымъ языкамъ непрерывки поднялось пламя новаго энтузіазма: ударничества, социалистическаго соревнованія, социалистическаго совмѣстительства, «буксира отстающихъ» и всякихъ другихъ открывавшихъ «новыя эпохи» методовъ. Я скажу только о первыхъ двухъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ на Днѣпрострой, кажется зимой 1929-30 года, я наблюдалъ работу комсомольской бригады бетонщиковъ, ставившихъ днѣпростроевскій — вѣроятно и мировой — рекордъ укладки бетона. Оберванные, голодные, опалѣлые ребята таскали цементъ въ бетономѣшалку, ставили опалубки въ кессонахъ, наливали бетонъ. Вокругъ этой бригады вертѣлись какіе-то парторги, секретари и прочее и «подкачивали»: «ну, ребята, не выдай, ну, Ванька, не подгадь»...

«Ребята» видимо чувствовали, что на нихъ «смотрятъ сорокъ вѣковъ». Они старались изо всѣхъ своихъ силъ. Силъ этихъ было немного. На моихъ глазахъ двое ребятъ, несшихъ связку желѣзныхъ прутьевъ свалились съ обледенѣлой лѣстницы, одинъ сломалъ себѣ ногу, другому раздробило лицо. Какой-то комсомолецъ, несшій мѣшокъ цемента, какъ-то оступилъ и изъ горла хлынула кровь. Ихъ тотчасъ же замѣнили свѣжими ребятами. Позже я видать такихъ рекордсменовъ на Машинкѣ, на Чустроѣ. Картина до жути однообразная: подбирается группа молодежи, я бы сказалъ, настроенной чуть-чуть истерически, «я нервы взвинчиваюгъ почетомъ, грамотами, театральщиной, — и вотъ она ставитъ рекордъ. И, послѣ рекорда, сваливается въ ка-

кую-нибудь ободранную заводскую больницу.

На практикѣ эти рекорды были использованы для пересмотра нормъ выработки. Именно поэтому много изъ этихъ ударниковъ и рекордсменовъ погнбло отъ руки своего же брата, рабочаго. «Активъ» зарабатывалъ на нихъ кое-какой политической капиталъ: секретаря комсомольской ячейки, сумѣвшего организовать вотъ этакій рекордъ, начальство выдвигало. Всѣ остальные участники рекорда играли въ чистый проигрышъ...

Методъ индивидуальных достижений, рекордовъ и ударничества очень скоро показалъ полную несостоятельность въ примѣненіи къ общимъ, массовымъ производственнымъ задачамъ власти. Этотъ методъ былъ видоизмѣненъ и получилъ формы «соціалистическаго соревнованія»: не бригада, не отдѣльный рабочий, а все предприятие въ цѣломъ соревнуется съ другимъ однотипнымъ предприятиемъ на выпускъ максимальнаго количества продукціи, на сниженіе себѣстоимости и брака, на ликвидацию прогуловъ и прорывовъ и пр. Между заводами заключались спеціальныя договоры, избирались спеціальныя комиссіи по «контролю выполненія», «выше стоящія организаціи» организовывали арбитражъ. Приведу извѣстный мнѣ примѣръ изъ этой соціалистической соревновательной практикѣ:

Два крупнейшихъ въ Россіи паровозостроительныхъ заводовъ — Коломенскій и Сормовскій — заключили между собою договоръ о соціалистическомъ соревнованіи. Осенью 1931 года я былъ на Сормовскомъ заводѣ и попытался

установить—исключительно, такъ сказать, для внутренняго употребленія — технику и результаты этого соцсоревнованія. Результаты, впрочемъ, я уже зналъ. Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ кромѣ меня пребывала еще и НКПС'ая комиссія, которая должна была принять отъ завода одиннадцать вновь выпущенныхъ паровозовъ серіи «М» — Маруська по терминологіи совѣтскихъ железнодорожниковъ. Въ комиссіи были знакомые инженеры. Оказалось, что съ этими паровозами идетъ уже весьма длительная волокита, почему ихъ и набралось сразу одиннадцать. Принять эти паровозы комиссія отказалась наотрѣзъ: ихъ нельзя пустить въ работу, не рискуя крушеніями. Нужно отдать справедливость: комиссія состояла изъ людей честныхъ и очень крѣпкихъ. На нее уже вѣшали всѣхъ собакъ: она срываетъ соціалистическое соревнованіе, она занимается саботажемъ и вредительствомъ, въ ея составѣ инженеры X., Y., Z. съ такимъ-то и такимъ-то социальнымъ происхожденіемъ. Комиссія ходила въ невеселомъ видѣ, надъ ней повисъ Дамокловъ «мечъ пролетарской диктатуры», — а у людей были и семьи. Но комиссія держалась крѣпко. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ инженеровъ сказалъ мнѣ: ну, конечно, рискуемъ головой, но принять паровозы — значитъ не рискнуть, а прямо пожертвовать сотнями головъ, — чертъ съ нимъ — будь, что будетъ...

Впрочемъ, на этотъ разъ ничего особеннаго не было: комиссію отозвали обратно въ Москву, на ея мѣсто привезли какую-то другую, выдвиженческую, и та эти

злополучные паровозы приняла, при помощи ОГПУ, безъ всякихъ разговоровъ. Я знаю судьбу только одного изъ нихъ: у него допущена ось тендера при первой же попыткѣ перетащить его съ заводскихъ путей на общероссійскіе... Ни одинъ изъ этихъ паровозовъ не былъ полноценной машиной. Я сталъ проверять, какъ это получается.

Попрошу читателя вдуматься въ логическую обусловленность и техническую неизбежность этой исторіи. Итакъ, Сормовскій заводъ обязуется выпустить завѣдомо непосильное для него количество паровозовъ. Это задание возложено на заводъ въ условіяхъ: нехватки сырья, нехватки инструментовъ, нехватки квалифицированныхъ рабочихъ и инженерскихъ кадровъ. Надъ этими заданиями сконцентрировано недремлющее вниманіе и партійной ячейки, и заводского актива и ГПУ, — приходилось изъ кожи лѣзть понъ. У меня не было ни времени ни надобности изучать весь ходъ производства. Я взялъ только одну деталь — золотниковый поршень и постарался прослѣдить прохожденіе этой детали отъ стальной болванки до готового фабриката.

Заготовительный цехъ получаетъ свое сырье въ обрѣзъ—обычно и меньше «обрѣза». Среди этого сырья обязательно находится и некоторый процентъ бракованнаго, — въ данномъ случаѣ это былъ некондиціонный металлъ. Заготовительный цехъ принимаетъ все, ибо если онъ не приметъ всего, то его заготовительный планъ окажется невыполненнымъ. Это сырье, включая сюда и бракъ, онъ передаетъ литейному цеху.

Литейный цехъ видитъ: сырье бракованное. Что ему остается дѣлать: вернуть его обратно? Значить — не выволнить своего «обязательства»? Онъ изъ бракованнаго матеріала отливаетъ болванки и передаетъ ихъ дальше, на фрезерные станки. Въ процесѣ отливки процентъ брака, конечно, повышается. Но фрезерные станки принимаютъ все: если они не приняли бы, имъ не съ чѣмъ было бы работать, выполнять и перевыполнять пункты договора. Такъ эта злополучная деталь совершаетъ свое траурное прохожденіе по цехамъ завода, — и, наконецъ, сборочный цехъ, дѣйствующій по тѣмъ же «договорамъ» и подъ тѣми же угрозами, собираетъ изъ бракованныхъ деталей бракованный паровозъ: сбилъ, сколотилъ — ахъ, хорошо, слазь — еще лучше. И вотъ, пойдетъ эта Маруся гулять по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, стаскивая составы подъ откосъ, годами отдыхая въ ремонтныхъ депо и обходясь странѣ въ чудовищное количество денегъ, труда и жизни...

Совершенно ясно, что такое социалистическое соревнованіе скоро должно было обрости цѣлымъ рядомъ способовъ ухода отъ отвѣтственности, отъ непосильныхъ заданий, отъ страха передъ ГПУ и отъ многого другого. Практически это выражалось въ томъ, что администрація двухъ заводовъ, подписавшихъ договоры, молчаливо и заранее соглашалась, что все это вздоръ и чепуха и что нужно «втирать очки», пускать пыль въ глаза, публиковать дутыя цифры и изворачиваться. И, изворачиваясь, отнюдь не подводить своего конкурента по соцсорев-

нованію. Директора выводили на трибуны и говорили зажигательныя рѣчи. Плановики подсчитывали тонны продукции, которая завѣдомо никогда не будутъ существовать въ природѣ, инженеры выискивали скрытые ресурсы заводовъ и писали пронзительныя статьи въ стѣнныхъ газетахъ. Потомъ собирались всѣ вмѣстѣ, выпивали и строили другіе планы, какъ бы отъ всего этого вывернуться, — обычно и выворачивались.

Тогда на потухающее пламя социалистическаго соревнованія было брошено дополнительное топливо. Контролировать и подстегивать всѣхъ «забюрократившихся», «отравившихся отъ массы», «предавшихъ право-уклонистскому оппортунизму» руководителей, директоровъ, инженеровъ, плановиковъ и пр. была призвана совѣтская «общественность». Практически это дѣлалось такъ.

Той же осенью 1931 года центральный комитетъ союза совѣтскихъ и торговыхъ служащихъ (ЦК ССТС), въ которомъ я дѣйствовалъ на амплу руководителя по спорту и туризму, въ порядкѣ «общественнаго содѣйствія» отправилъ на мѣста для провѣрки хода соцсоревнованія тридцать двѣ бригады. Московскіе курьеры, выдвиженцы, счетоводы и дѣловоды — самая разнесчастная категория «совѣтскихъ трудящихся», поѣхали провѣрять работу: астраханскихъ рыбныхъ промысловъ, сталинградскаго тракторнаго завода, харьковскаго желѣзнодорожнаго узла, вологодскихъ лѣсо-сѣкъ и еще двадцати восьми предприятий, подходящихъ для этой цѣли. Другіе профессиональные союзы сдѣлали то же самое. Въ

осеннюю путину 1931 года на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ скопилось одновременно около двухсотъ бригадъ — около двухъ тысячъ лоботрясовъ, которые всѣ инструктировали, инспектировали, жрали, обследовали, провѣряли, доносили и не давали никому житья. Партиійная верхушка промысловъ поѣхала въ Москву и волкомъ взвыла. Въ видѣ исключенія эти промыслы, харьковскій тракторный, АМО и еще кое-что были временно изъяты изъ вѣдѣнія совѣтской общественности. По остальной странѣ продолжали свирѣпствовать табуны «легкой кавалеріи», бригады и прочаго.

Стало выясняться, что соцсоревнованія не спасетъ и совѣтская общественность. Къ 31-32 году эта чудовищно разбухшая машина противоестественнаго стимулированія труда начала осѣдать. Еще тратились сотни милліоновъ на всякія бригады, еще «легкая кавалерія» загружала поѣзда, еще составлялись новые договоры по соцсоревнованію, но было уже ясно: ничего не выходитъ...

Тогда совѣтская власть удивляла весь социалистическій міръ рѣзкимъ поворотомъ къ наиболее капиталистическому методу оплаты труда, съ которымъ боролись и борются социалистическія партіи всего міра — къ сдѣльщинѣ. На недомѣнные вопросы иностранныхъ гостей въ Москвѣ отвѣчали: «помилуйте, для строительства социализма рабочій классъ СССР готовъ идти на любыя жертвы». Тотъ же активъ, который позавчера демонстрировалъ лодь окнами Дома Совѣтовъ, требуя смерти вредителямъ Промпартіи, вчера скакалъ галопомъ по астрахан-

скимъ промысламъ,—сегодня демонстрировалъ пролетарскій энтузіазмъ по поводу введенія сдѣльщины; для всего этого достаточно телефоннаго звонка по районнымъ комитетамъ партіи, а оттуда по заводскимъ и учрежденческимъ ячейкамъ.

На введеніе сдѣльщины рабочая масса отвѣтила забастовками. Въ совѣтскихъ условіяхъ — это безнадежное дѣло. Забастовки были ликвидированы, не безъ разстрѣловъ. Сдѣльщина была введена. Въ порядкѣ встрѣчнаго энтузіазма, встрѣчныхъ промфинплановъ и активистскаго выслуживанія, она сейчасъ же была доведена: а) до прогрессивной сдѣльщины и б) до прогрессивно-преміальной сдѣльщины.

Допустимъ, что рабочій за свой нормальный рабочій день долженъ выработать сто гвоздей и получаетъ за это пять рублей. Это будетъ простая сдѣльщина. При прогрессивной — онъ получаетъ пять рублей за нормальные сто гвоздей, но за одиннадцатый десятокъ получаетъ уже не полтинникъ, а, скажемъ, 75 копѣекъ, за двѣнадцатый десятокъ — рубль. При прогрессивно-преміальной сдѣльщинѣ рабочій, который въ теченіе мѣсяца выработалъ въ среднемъ по 150 гвоздей получаетъ премію: ордеръ на штаны.

Повидимому, на сдѣльщину и сама власть особыхъ надеждъ не возлагала, ибо одновременно со сдѣльщиной была введена карательная система стимулированія труда: политотдѣлы и военно-полевые суды на желѣзныхъ дорогахъ, увольненія рабочихъ за прогулы и даже за опозданія (увольненіе влекло за собою лишеніе карточки, паспорта и жилищной

площади), право начальниковъ предприятий сажать подъ арестъ безъ разговоровъ и безо всякой апелляціи. Несмотря на эти карательныя мѣропріятія, сдѣльщина провалилась, въ сущности, сразу — съ первыхъ же дней. И провалъ ея былъ обусловленъ въ первую очередь наличіемъ карточной системы.

Возьмемъ для примѣра того же рабочаго съ его гвоздями. Онъ выработываетъ 125 рублей въ мѣсяцъ. Изъ этихъ 125-ти рублей около сорока уходитъ на всякіе обязательные поборы, рублей 10-15 уходитъ на квартиру, еще 10-15 — на что-нибудь, — и на пропитаніе рабочаго и одного члена его семьи остается около 60-ти рублей. Эти 60 рублей были «карточной валютой» и каждый рубль стоилъ около 12-15 копѣекъ довоенныхъ — въ зависимости отъ района и завода. Но тотъ рубль, который рабочій получалъ за выработку 11-го, сверхъ-плановаго десятка гвоздей, этотъ рубль былъ уже рублемъ вольнаго рынка, никакого «карточного эквивалента» для него не существовало и онъ равенъ былъ двумъ довоеннымъ копѣйкамъ.

Получался абсурдъ. Для выработки этого 11-го десятка гвоздей рабочій, уже измотанный всѣмъ своимъ рабочимъ днемъ, долженъ былъ довести свои силы до максимальнаго напряженія и получалъ онъ за этотъ сверхъ-плановый десятокъ гвоздей въ пять разъ меньше, чѣмъ за плановый. Сдѣльщина отвѣтала, не успѣвъ расцвѣсти.

На провалъ сдѣльщины совѣтская власть отвѣтила радикальной отмѣной карточной системы...

Конечно, отмѣна карточной си-

стемы преслѣдуетъ и другія цѣли, кромѣ чисто производственныхъ: жесточайшій «косвенный налогъ» на такой предметъ самаго широкаго потребленія, какъ хлѣбъ, нѣкоторый политическій эффектъ для границы, ликвидацію чудовишнаго аппарата, облуживавшаго карточную систему и еще кое-что. Но основная цѣль реформы заключалась все-таки въ новомъ нажимѣ на рабочій классъ. Сейчасъ власть, по существу, отбрасываетъ все фиговые листки социалистическаго равенства, пролетарскаго энтузіазма, совѣтской общественности и прочаго въ этомъ родѣ. Сейчасъ вопросъ ставится просто и исчерпывающе: товарищамъ рабочимъ предлагается — или дѣйствительно помириться съ голодомъ или въ самомъ дѣлѣ работать, какъ слѣдуетъ — въ объективныхъ условіяхъ, въ которыхъ работать какъ слѣдуетъ вообще невозможно.

Отмена хлѣбныхъ карточекъ — это, такъ сказать, лобовая атака на рабочій классъ Совѣтскаго Союза. Одновременно съ этой атакой производится обходное движеніе съ фланговъ: стахановщина. Въ періодъ введенія сдѣльщины такое же обходное движеніе было выполнено изотовщиной: снижая жизненный уровень пролетарскихъ массъ, власть указываетъ имъ на возможный выходъ изъ ихъ, казалось бы, безвыходнаго положенія: работайте вдвое лучше, зарабатывайте вдвое больше — и какъ-нибудь проживете.

Изотовщина родилась въ рядахъ центральнаго комитета союза горнорабочихъ, — я въ тѣ времена подвизался въ журналѣ «Горнорабочій». Насколько я знаю, «изотовщина» была выполнена по

заказу ЦК партіи: было предписано показать «высокіе образцы работы» и продемонстрировать ихъ россійскому пролетариату для поученія и утѣшенія. Изотовщина, какъ и стахановщина, была организована въ Донбассѣ и выборъ этого мѣста и для того и для другого «движенія» далеко не случаенъ: именно въ Донбассѣ особенно широкъ разрывъ между тѣмъ, что дѣлается, и между тѣмъ, что можно бы сдѣлать при маломальски толковой организаціи дѣла. Тѣмъ показательнѣе примѣръ примѣненія здѣсь методовъ изотовщины — стахановщины. Донбассѣ «болѣетъ» прежде всего чудовишной текучестью рабочей силы, представляя собою какъ бы гигантскій проходной дворъ, на которомъ толкуются, протекаютъ и утекаютъ тысячи инженеровъ и сотни тысячъ рабочихъ. Причинъ этой текучести очень много. Главная изъ нихъ — жилищный вопросъ. На смѣну сбѣжавшимъ рабочимъ изъ деревень, по договорамъ съ колхозами, мобилизуются новые десятки тысячъ деревенскихъ парней, никогда подъ землей не работавшихъ, которые нѣкоторое время околачиваются по шахтамъ, прихватываютъ все, что можно прихватить, и куда-то улетучиваются. На ихъ мѣсто мобилизуются новые десятки тысячъ.

И вотъ, въ условіяхъ этой текучести и острой нехватки квалифицированной рабочей силы, и проводится пресловутая механизация Донбасса. Въ Америкѣ закупаются механизмы, припророченные къ мощнымъ американскимъ пластамъ, допускающимъ въ большинствѣ случаевъ открытую разработку, какъ въ Пенсильваніи, но для донбассовскихъ условій

эти механизмы мало пригодны. Закупались они безъ запасныхъ частей, въ расчетъ на то, что эти части будутъ изготовлены на совѣтскихъ заводахъ, — совѣтскіе заводы даютъ бракъ. Дальше: эти механизмы попали въ руки вотъ этой самой протекающей рабочей силы, — и окрестности шахтъ завалены кладбищами поломанныхъ врубовокъ, электровозовъ, отбойныхъ молотковъ и пр. Дальше: Наркомтяжпромъ, механизировавъ въ первую очередь добычу угля, проворонилъ внутришахтный транспортъ и, что чрезвычайно важно, добыча угля лимитируется вовсе не въ забояхъ, а въ откаткѣ — въ шахтахъ и стволахъ. Бригады забойщиковъ не виновныя: слухъ нормъ не потому или не только потому, что, скажемъ, не хватаетъ запасныхъ зубьевъ для врубовокъ, а главнымъ образомъ потому, что если бы эти врубовки работали безперебойно то подземный Донбассъ въ течение нѣсколькихъ дней оказался бы буквально закупореннымъ невывезеннымъ углемъ. И, наконецъ, и при нормальныхъ, обычныхъ условіяхъ работы Донбасса желѣзнодорожный транспортъ съ вывозомъ угля не справляется. Когда на шахту прѣзжаетъ какая-нибудь особоуполномоченная и особозубастая комиссия и шахта изъ кожи лѣзетъ вонъ (обычно къ прѣзду такой комиссіи совершаются нѣкія подготовительныя манипуляціи съ перераской на нее допозитивной рабочей силы и механизмовъ), — и подъемъ угля наверхъ («на горъ», какъ говорятъ въ Донбассѣ) совершается болѣе или менѣе безперебойно, — то эта «на горъ» покрывается пирамидами уг-

ля, который лежитъ тамъ мѣсяцами, а иногда и годами. Забойщики же въ это время сидятъ безъ работы или разбѣгаются по другимъ шахтамъ.

Такимъ образомъ, — и въ этомъ то и заключается вся суть поправки, — производительность промышленности зависитъ вовсе не отъ усилій отдѣльнаго рабочего — Изотова или Стаханова — а отъ всей организациі работы.

И отъ того, что Стахановъ побилъ рекордъ на какую-то, конечно, совершенно мнѣшескую, тысячу процентовъ, ни положеніе углепромышленности, ни положеніе рабочей массы ни въ какой степени не мѣняется.

Для того, чтобы побить изотонскій рекордъ, было продѣлано нѣсколько, по существу довольно несложныхъ операций: подобрана бригада изъ старыхъ и квалифицированныхъ рабочихъ, снабжена новой, но уже «освоенной» врубовкой, для этой врубовки были даны импортныя запасныя части, около нея былъ поставленъ хорошій монтеръ, бригадѣ дали наиболѣе удобный въ шахтѣ пласть и забой, обезпечили крѣпленіемъ кровли, и — самое главное — расчистили путь отъ забоя къ стволу шахты отъ всего того, что обычно валяется на подземныхъ артеріяхъ Донбасса: груды невывезеннаго угля, потеманная пагоцетки, разбросанный крѣпежный лѣсъ и проч.

Все это можно было сдѣлать для одной «показательной» бригады, — и въ явный ущербъ для остальныхъ, непоказательныхъ, — но всего этого при данныхъ условіяхъ невозможно сдѣлать для всего Донбасса, не говоря уже о

всей угольной промышленности в целомъ.

Такъ обстоит дѣло въ шахтахъ. Почти такъ же обстоит оно и въ другихъ отрасляхъ промышленности: дѣло не въ рекордахъ, а въ организаци. Точно такъ же, какъ сейчасъ стахановскіе «методы» переносятся въ другія отрасли промышленности, — раньше переносились «изотовскіе» методы. «Изотовщину» въ текстильной промышленности я наблюдаю на текстильной фабрикѣ въ Реутово, подъ Москвой, и на новомъ текстильномъ гигантѣ — на фабрикѣ им. Дзержинскаго въ Ивано - Вознесенскѣ. Изотовщина въ текстильной промышленности имѣла приблизительно такой же видъ, какъ и въ угольной. Съ одной только разницей, въ текстильной промышленности хронически не хватало сырья и эпизодически не хватало топлива. На желѣзныхъ же дорогахъ этотъ треугольникъ: изотовщина-сдѣлщина-военно-полевые транспортные суды привела къ ряду чудовищныхъ крушеній.

За всѣми этими рекордами — изотовскими, стахановскими и пр. — скрывается еще роковой вопросъ о качествѣ продукціи. Одно время я былъ связанъ съ «Институтомъ нормъ и стандартовъ угольной промышленности». Не знаю почему, но въ этотъ институтъ Наркомтяжпромъ переправлялъ всѣ получаемыя имъ жатобы заводскихъ лабораторій на «зольность угля». Въ нормативныхъ условіяхъ зольность угля

означаетъ его несгораемый остатокъ. Когда эта зольность переходитъ 15-20%, она означаетъ просто примѣсь къ углю породы. Мнѣ же попадались жалобы на 65% зольности, — что означаетъ: изъ ста пудовъ груза, который очень условно можно назвать углемъ, внутришахтный транспортъ и желѣзные дороги перевозили, а заводъ получалъ шестьдесятъ пудовъ песка и камней. Но заводъ рассчитывать не на песокъ, а на уголь. Наркомтяжпромъ считалъ нарядъ на уголь выполненнымъ, а заводъ останавливался за отсутствіемъ топлива. Съ «качествомъ продукціи» рекорды связаны такимъ образомъ: когда Изотовъ или Стахановъ ставятъ свой количественный рекордъ, то ужъ и партійная ячейка и рудоуправленіе позаботятся о томъ, чтобы изъ ихъ добычи сортировщицы не выкинули ни одного камня. И вотъ, заводъ получаетъ вмѣсто угля песокъ. Транспортъ получаетъ вмѣсто осей нѣкое пещеристое тѣло, лопающееся на ходу поѣзда, охотникъ получаетъ порохъ, который въ одной пачкѣ не стрѣляетъ вовсе, изъ другой рветъ стволы.

Что же выйдетъ изъ стахановщины? Не выйдетъ, конечно, ничего. Но нѣкая дымовая завѣса, прикрывающая ухудшеніе положенія рабочаго класса, все же пущена. По всей вѣроятности, ничего больше отъ стахановщины и не требуется...

Ив. Солоневичъ.